
Е. И. КОЛЫЧЕВА

НЕНЦЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В XVII—XVIII вв. ненцы были известны русским людям под именем «самоедов», «самояди», но это название относилось не только к ненцам. «Самоядь» русские называли и другие северные народы — энцев и нганасанов.

Значительная часть ненцев проживала в европейской части России, между Мезенью и Уральским хребтом. По месту своих основных кочевий они делились на несколько групп, каждая из которых состояла из нескольких родов.

1. Канинские и тиманские ненцы занимали территорию к западу от реки Печоры, т. е. кочевали в Канинской, Тиманской и Малоземельской тундрах и подчинялись мезенскому воеводе.

2. Другая группа ненцев кочевала по Большеземельской тундре, между реками Карой и Печорой и подчинялась пустозерскому воеводе.

3. Ижемские и устьцилемские ненцы, получившие свое название от слободок, куда они приходили платить ясак, также находились в ведении пустозерского воеводы, но кочевали к югу от Большеземельской тундры, в бассейне средней Печоры и Усы.

Кочевья ненцев в XVII — начале XVIII в. встречались также далеко на запад от реки Мезени. Постоянная группа ненцев кочевала в Двинском уезде, по реке Кулой. Там для них держали даже специального ясачного сборщика¹. Наличие в Двинском уезде ненцев подтверждает и присланный в Архангельск указ Новгородского приказа от 1706 г. о сыске и присылке в приказ трех ненцев. В ответ было сообщено: «в Двинской уезд во все стороны для сыску самоедцев мы посылали, а те посланные могли к городу привести 9 человек. И сказали, что более не сыскали: которые и были, разошлись на промыслы по лесам»².

Возможно, что ненцы имели постоянные кочевья и еще западнее. В указе 1686 г. мезенскому воеводе о выборе целовальников для сбора ясака говорится: «...выбирать... людей, которые б по тундре и по Пенеге и по Двине и по Онеге и в иных местах знали их самоедцкие кочевья»³.

Острова Ледовитого океана: Новая земля, Колгуев, Вайгач не были заселены ненцами, но во время летних промыслов ненцы не раз посещали их: «Зимую на морские острова ходу не бывало, что льды не проходимые»⁴.

В настоящей статье рассматриваются в основном 2 группы ненцев — пустозерские и ижемские с устьцилемскими. Общая численность ненцев этих 2 групп — свыше 200 взрослых мужчин, пустозерских ненцев около 140 мужчин, ижемских с устьцилемскими 60—70 мужчин⁵. В Пустозер-

¹ ЦГАДА, Приказные дела новой разборки (далее ПДНР), № 918.

² ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, стр. 543.

³ ЦГАДА, ПДНР, д. 980, л. 1.

⁴ Дополнения к актам историческим, т. 5, № 35, стр. 172.

⁵ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156.

ском ведомстве постоянно кочевало 6 родов: Ванюта, Волей, Выучей, Лохей, Тысыня, Явтысыня.

Весь быт ненцев был приспособлен к частым перекочевкам. «Живут по тундрам и на Камень (Урал.— *Е. К.*) переезжая на оленях, а не в одном месте», — сообщается о ненцах в источнике XVII в.⁶ Но эти перекочевки не носили беспорядочного характера. Почти во всех источниках встречаются указания, что ненцы кочуют в каких-то определенных местах: «А промышлять тот ясак в прежних местах, где они наперед сего промышляли. А ежли их в тех местах кто опромысливает... велено сыскать»⁷. В другом документе читаем, что ненцы «отпущены в тундру на промышленные места»⁸. Указ Новгородского приказа требует выбирать таких целовальников, которые бы «знали их самоедцкие кочевья»⁹. Вряд ли возможно было знать места кочевий, если бы они имели беспорядочный характер. Более подробные сведения о ненецких кочевьях дают источники второй половины XVIII в. В наказе в Екатерининскую комиссию 1767 г. ненцы пишут: «Жительство мы, самоедцы, имеем, как пустозерские, так устьцилемские и ижемские в летнее время, переходя с места на место для рыбной ловли, около рек и озер; а в зимнее, переходя ж с места на место для звериных промыслов»¹⁰.

Из источников видно, что пустозерские ненцы делились на 2 группы: «окологородную» и «тундряную»¹¹. Окологородные ненцы составляли очень незначительную часть от общей массы своих сородичей. Это скорее всего обедневшие, зависимые ненцы, которым не под силу было совершать большие перекочевки. Основная масса пустозерских ненцев, наиболее крупные их роды (Тысыня, Явтысыня, Лохей, Ванюта) большую часть года проводили в северо-восточной части Большеземельской тундры около рек Каратайки и Хайпудыры. В 1704 г. ненцы родов Лохей и Тысыня писали: «Живем круг Камени (Урала.— *Е. К.*), на край моря, на чистых степях, а не в лесах»¹². В 1708 г. воевода сообщал, что от города Архангельска «к пустозерским... самоедцам на Большую землю на тундру, на урочища, на реки на Коротаиху и на Хайбудру» пришло несколько купеческих судов¹³. Ненцы родов Лохей и Тысыня числились в ясачных книгах и Обдорска и Пустозерска, так как, живя на реке Каратайке, они часто шли с ясаком не в Пустозерск, а в Обдорск, до которого им было ближе. Поэтому в обдорских ясачных книгах встречаются «пустозерские Лохей», «пустозерские Тысыни»¹⁴. Там уже упоминается многочисленный богатый род Ванюты, небольшая часть которого кочевала в Большеземельской тундре, а летом тоже, по всей вероятности, находилась в бассейне рек Каратайки и Хайпудыры. Род Лохей кочевал скорее всего восточнее рода Тысыня между реками Каратайкой и Карой, так как при нападении на русских людей, возвращающихся из Сибири через Уральский хребет, всегда фигурировали ненцы рода Лохей, в то время как участие других родов (Тысыни, Ванюты) было эпизодическим. Это, в частности, отмечает в своей книге Старцев¹⁵. Наконец, род Тысыня летом кочевал, очевидно, в западной части бассейна реки Каратайки, а род Явтысыня, исходя из его названия (ja — море, т. е. род, занимающийся морскими промыслами) и из факта отсутствия его в ясачных книгах Обдорска, занимал приморскую территорию несколько западнее рода Тысыня.

⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 111, л. 368.

⁷ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 87.

⁸ Там же, л. 86.

⁹ ЦГАДА, ПДНР, д. № 980, л. 1.

¹⁰ Сборник Русского исторического общества, т. 123, стр. 337.

¹¹ ЦГАДА, ПДНР, д. 1213, л. 261; д. 1981, л. 42; Городовые книги по Пустозерску, № 2, л. 1.

¹² ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 332-об.

¹³ Там же, л. 681-об.

¹⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1095.

¹⁵ Г. А. Старцев, Самоеды (ненча), Л., 1930, стр. 79.

Не все роды пустозерских ненцев занимались летними промыслами в северо-восточной части Большеземельской тундры. Во второй половине XVIII в. большая часть рода Выучей кочевала по Малоземельской тундре, как об этом свидетельствует Лепехин¹⁶. Есть основание предполагать, что в XVII в. кочевья рода Выучей находились в этих же местах. Это подтверждается тем, что упоминания о ненцах рода Выучей мы встречаем в Окладниковой слободке, в Ижемской и Устьцилемской слободах, в Пустозерске, но никогда не находим за Уралом. Очевидно, ненцы рода Выучей для летних промыслов уходили на морское побережье западной части Большеземельской тундры, например, на реку Пайягу¹⁷, или же промышляли на берегах Тиманской тундры.

С наступлением холодов ненцы совершали большую перекочевку в районы, богатые пушниной. Основная часть их откочевывала к юго-западу и лишь иногда к юго-востоку, за Урал. В течение нескольких месяцев ненцы охотились в тундре и к концу декабря — началу января обычно приезжали в Пустозерск для обмена промысловой добычи на необходимые им товары. К этому времени в Пустозерске открывалась ярмарка. Все челобитные ненцев, поданные в Пустозерском остроге, как правило, датируются январем — февралем, реже мартом. В это же время воевода собирал с ненцев ясак.

Юго-западное направление было основным, но не единственным направлением зимних перекоченок ненцев. В зависимости от количества пушного зверя в том или другом районе, ненцы по 2—3 года могли не являться в Пустозерск, как было, например, в 1703—1704 гг. Часть кочевников ехала на зимние промыслы в Малоземельскую тундру, к Мезени, а иногда и за Мезень: «А иные самоедцы ездят з Большие на Малую землю, а с Малые на Большие», — писал пустозерский воевода¹⁸. В 1708 г. он сообщал, что пустозерские ненцы «пограбили на Меньшей земле ... мезенских жителей»¹⁹. Таких сообщений немало. Из них можно сделать вывод, что какая-то часть пустозерских ненцев зимой кочевала в пределах Малоземельской тундры. Было и третье направление зимних перекоченок ненцев — откочевка за Урал, в Березовское воеводство. Недаром роды Лохей, Тысыня, Ванюта числились в ясачных книгах и Пустозерска и Обдорска. «А иные Пустозерские самоедцы откочевали многие за Камень на Березов»²⁰. «Отходят многие в дальние места и за Камень»²¹. «А ясачная самоедь рода Ванюта ... прежде сего платила ... ясак в Пустозерском остроге, а ныне та самоедь ... ясак платит в Носовом Березова города и ко-чует за Югорским Каменем»²².

Сведений о путях перекочевья ижемских и устьцилемских ненцев почти нет. Источники сообщают только, что они кочуют по Печоре и по реке Усе, подчеркивая отличные от пустозерских ненцев природные условия — леса: «Живут вверх по Печоре и по Усе реках»²³; «Живут по рекам и в лесах»²⁴; «А ... живут и промышляют вверх по Печоре реке больше двух тысяч верст»²⁵. Более подробные сведения о кочевьях ижемских и устьцилемских ненцев дает лишь Лепехин, который сообщает, что устьцилемские ненцы «кочуют в летнее время по рекам, впадающим в Печору, по Юрсе, Чурве, Созве, Шапкине и другим соседственным мелким рекам и озерам, а в зимнее время по большей части около Устьцилемской слободки по борам и болотам и отходят иногда на Цильму и Печорскую Пижму для

¹⁶ И. И. Лепехин, Дневные записки, СПб., 1805, ч. IV, стр. 232.

¹⁷ В. Иславин, Самоеды в домашнем и общественном быту, СПб., 1847, стр. 134.

¹⁸ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 681.

¹⁹ ЦГАДА, ПДНР, № 1128, л. 304.

²⁰ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 96.

²¹ Там же, л. 681.

²² ЦГАДА, ПДНР, № 1213, л. 264.

²³ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 85.

²⁴ Там же, л. 339-об.

²⁵ Там же, л. 85.

оленьих промыслов»²⁶; «Ижемские самоеды кочуют по тундре при озерах, выпадающих в реки Усу, Кожим, Косу и Люмбу с половины марта до декабря месяца, а в остальные 3 месяца выезжают на Обыш, Кедву, Ухту и Аюгу, выпадающие в Ижму-реку»²⁷.

Свое благосостояние ненцы ставили в прямую связь с промыслами. «Промыслы были малые, нужным платить было нечем, а у ково де и было малое, и то де проедено», — жаловались ненцы в 1707 г.²⁸ Основную часть зимнего промысла ненцев, живших в тундре, составляли песцы. Лесные ненцы (ижемские и устьцилемские) промышленяли белку, горностая, рассомаху. Соболей в промысле ни у той, ни у другой группы ненцев почти не было. «Соболей у нас... в промысле не бывает», — пишут ненцы²⁹. Летом охотились на диких оленей, ловили сетями «ленных» птиц: гусей, уток и т. п. Реки печорского края были богаты сига́ми, семгой, щуками, омуля́ми³⁰. Пустозерские ненцы, кроме того, летом занимались морскими промыслами. Лепехин отмечает, что охотиться на моржей и тюленей ненцы стали лишь под влиянием русских промышленных людей и что раньше этот промысел был им незнаком. Когда ненцы стали впервые заниматься морскими промыслами, сказать трудно, но уже в 1688 г. мы находим в документах упоминание о ненецких морских промыслах³¹.

Размеры промысла определить почти невозможно. Известно, что в 1684 г. два мезенца ограбили чум канинского ненца и «взяли песцов белых и черных, и кож оленьих и ременья ... по цене на семнадцать рублей с полтиною и всякое борошнишко и лопатишко, и гуси, и мясо соленое оленьё»³². В 1685 г. они же взяли у него «кож оленьих и песцов по цене на 4 рубля». В 1668 г. у ненца Укова (род Волей) забрали «оленьего и песцового промысла и морского ... на 50 рублей»³³. Но Уков, очевидно, был одним из очень богатых ненцев: у него было 100 оленей, что в XVII в. было большой редкостью.

Охота и рыбная ловля были основным, но не единственным занятием ненцев в XVII в. Очень большое значение в хозяйстве ненцев играло оленеводство. Ненцы не только охотились на диких оленей, но и разводили домашних. Оленей очень берегли и убивали на мясо только в исключительных случаях.

Для XVII в. наибольшая известная нам численность оленьего стада — 100 голов³⁴. Владелец стада в 40 голов считал себя «сильным»³⁵. Для XVIII в. Лепехин дает такое деление ненецких хозяйств: богатые от 1500 до 2000 оленей; средние 500—700; малоимущие 20—30; бедные — 10. Эти последние уже не могут прожить, не нанимаясь на работу, или же должны объединяться в артель³⁶. В другом источнике конца XVIII в. даются несколько иные, но тоже очень высокие цифры: «Среднего состояния люди имеют от 100 до 300 оленей, а достаточные по 500 и до 1000, некоторые же и более»³⁷. Перед нами, таким образом, резкий скачок в количественном составе оленьего стада, происшедший в течение каких-нибудь 100 лет. Очевидно, что на протяжении XVII—XVIII вв. происходили крупные сдвиги в хозяйстве ненцев. Все большее значение начинало играть оленеводство, к концу XVIII в. оттеснившее рыбную ловлю и охоту на второй план.

На протяжении XVII—XVIII вв. произошло и другое крупное измене-

²⁶ И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. IV, стр. 242.

²⁷ Там же, стр. 244.

²⁸ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 638-об.

²⁹ Там же, л. 339-об.

³⁰ Таможенные книги Московского Государства 17 в., 1951, т. 3.

³¹ Дополнения к актам историческим, т. V, № 68, стр. 375.

³² ЦГАДА, ПДНР, № 1102, л. 27.

³³ Дополнения к актам историческим, т. V, № 68, стр. 375.

³⁴ Там же.

³⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 111, стр. 386.

³⁶ И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. IV, стр. 229.

³⁷ Сборник «Исторический архив», т. I, стр. 213.

ние в хозяйстве ненцев: на смену луку пришло огнестрельное ружье. Если в XVII в. ненцы в основном пользовались луком, то во второй половине XVIII в. употребление его отошло на второе место. Лепехин пишет: «Всех зверей убивают они пулями, а иногда и стрелами»³⁸. Порох стал предметом первой необходимости. В 1767 г. в наказе в Екатерининскую комиссию ненцы пишут: «крайнюю надобность имеем ... для промысла звериного в порохе и свинце»³⁹.

Благодаря экономическому сближению с русским народом не остались без изменений и другие орудия производства ненцев. Уже в конце XVII в. у них почти не было самодельных ножей, топоров, сетей, пешней, крючков — все это ненцы покупали у русских людей. Сами они продолжали изготавливать луки со стрелами, силки, нарты. В документах встречаются случаи покупки русскими ненецких нарт — «самоядских саней».

Другие виды ремесла удерживались и сохраняли домашний характер. Ненцы выделывали шкуры оленей, пушных зверей, но обработка шкурок носила первичный характер (окончательную выделку купленных у ненцев шкурок производили русские скорняки)⁴⁰. Женщины делали из шкур зверей обувь, шапки, верхнюю и нижнюю одежду, чумы. При просмотре перечня товаров, покупаемых ненцами у русских, видно, что одежду покупали очень редко. Об этом свидетельствует и тот факт, что наличие русской одежды у ненцев в 1662 г. сразу навело обдорского остряка на мысль о грабеже: «у пустозерской же у самоеди видел он платье русское, зипуны и рубахи и сукна, а чаёт де он, что та де пустозерская самоедь Пустозерский острог взяли»⁴¹.

В XVIII в., с ростом товарных связей с русским народом, ненцам становилось все выгоднее покупать готовую одежду, поэтому уже в документах начала XVIII в. мы встречаем упоминания о покупной одежде.

Что представляло собой хозяйство простого ненца? В 1668 г. у пустозерского ненца Топка Лисова пограбили его «животы: 2 кости мамонтовы; 30 песцов рослых, юх ровдужный, 2 волка, 15 постель, 10 кровель, 2 чума, 50 оленей, 2 невода и 2 однорядки»⁴². Отсюда видно, что хозяйство было невелико и включало лишь самое необходимое. Товарные отношения в хозяйстве еще не развились; даже меновая торговля в среде ненцев имела случайный характер. Так, при разгроме сибирской казны в 1641 г. ненцы доставшуюся им пушнину выменивали у своих же сородичей на оленей⁴³. За Уралом ненцы имели меновые отношения с хантами. Ненцы приезжали к ним по первому зимнему пути и выменивали пушнину, оленьи шкуры на сухую рыбу⁴⁴.

Основной торговый обмен шел между ненцами и русскими. Торговые (меновые) отношения между ними возникли, очевидно, очень давно, так как к концу XVII в. в быт ненцев уже прочно вошел ряд предметов русского происхождения (мука, железные изделия). К началу XVIII в. экономические связи между ненцами и русскими настолько окрепли, что ненецкое хозяйство стало немыслимым без постоянной связи с русским рынком. В документе первого десятилетия XVIII в. говорится: «А без русских людей никогда они самоедцы прожить не могут, потому что меж собою у них никогда хлебных запасов, никаких товаров на их руку: стрел и ножев, и топоров, и сетей для рыбной ловли не бывает. А покупают всегда те вышписанные товары у русских людей, а не между собой у самоедов»⁴⁵.

³⁸ И. И. Лепехин, Указ. соч., ч. IV, стр. 240.

³⁹ Сборник Русского исторического общества, т. 123, стр. 327.

⁴⁰ Н. В. Устюгов, Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве 17 в., «Исторические записки», кн. 34, стр. 192—195.

⁴¹ Дополнения к актам историческим, т. 4, № 126, стр. 304.

⁴² Там же, т. 5, № 68, стр. 375.

⁴³ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 111.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 500-об.

Конкретное представление о характере этих связей можно получить из «распросных речей» четырех ненцев, рассказавших, сколько, чего и в обмен на что получили они у скупщиков, приехавших в тундру⁴⁶.

Первый ненец: мешок муки, вина на 3 песца, табака на 1 песца, полсть.

Второй ненец: 3 пуда муки на 6 песцов, вина на 2 песца, 3 полсти на 9 песцов осенних.

Третий ненец: 8 пудов муки на 16 песцов, вина на 7 песцов, полсть на 3 песцов, сукна синего на 12 песцов осенних.

Четвертый ненец: котел, зипун, шубу овечью на 45 песцов осенних.

Из таможенных книг конца XVII в. видно, что купцы везли на Печору муку, сети, железные изделия⁴⁷. Воеводские отписки начала XVIII в. свидетельствуют, что для продажи ненцам привозили «топорье и ножи и стрелы и муку»⁴⁸.

Наиболее выгодным для купцов товаром были вино и табак, позволявшие самым беззастенчивым образом грабить ненцев. Продажей вина часто занимались посадские люди Пустозерска, которые, купив его на кружечном дворе, затем тайно перепродавали ненцам⁴⁹.

Из товаров, вывозившихся купцами из Печорского края, чаще всего упоминаются: сизи, семга, сушеная щука, сига́вая икра, утки и другая птица, подушки с перьями и пухом, оленье кожи⁵⁰. Кроме того, вывозились шкурки пушных зверей, в первую очередь песцов. Были установлены приближительные эквиваленты: за пуд муки ненцы отдавали 2 белых песцов, за полсть — 3 осенних песцов (2 осенних песцов приравнивали к одному белому). Песец в это время стоил около 50 денег.

Вероятно, ненцы не только выменивали, но изредка и покупали товары. О том, что деньги были у ненцев в ходу, свидетельствуют сообщения о денежной оплате за перевозку стрельцов через тундру и за пастьбу оленей у посадских людей, о получении денежного «жалованья» при крещении, об уплате уже в XVII в. пустозерскими ненцами ясака иногда не пушшиной, а деньгами (1671—1675 и 1687—1689 гг.).

Пунктами обмена обычно были Пустозерск, Ижемская и Устьцилемская слободки, Мезень. Для торговли с ненцами сюда приезжали холмогорцы, мезенцы, пинежане⁵¹, архангелогородцы и даже москвичи. В одном из источников говорится: пустозерские ненцы «торгуют в Пустозерске с пустозерцы, с пермяками, и на Устьцильме и на Мезене — с торговыми людьми»⁵². Очевидно, Пустозерск как торговый пункт имел местное значение. Пушнину у ненцев здесь скупала верхушка местного русского населения, перепродавая ее затем в Мезени и Устьцилемской слободке, куда зимой приезжали купцы с разных концов Московского государства. В начале XVII в. имелись и другие пункты торговли пушшиной. Так, из одной воеводской отписки 1607 г. мы узнаем о существовании на реке Усе построенного без разрешения властей Рогового городка: «...ходят Печорою рекою в судах с великими товары, а с Печоры на Усу реку под Камень в Роговой городок»⁵³.

В погоне за пушшиной скупщики стремились проникнуть все дальше в тундру, на места летних кочевий ненцев. Обычно они из Архангельска или Мезени приезжали в главный промысловый район на реку Каратайку и строили здесь торговые дворы. Для того чтобы скупить пушнину на месте, торговцы спаивали или запугивали ненцев. Так, в 1705 г. при-

⁴⁶ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 503—503-об.

⁴⁷ Таможенные книги Московского государства 17 в., т. 3, стр. 101, 197, 321.

⁴⁸ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 500.

⁴⁹ ЦГАДА, ПДНР, № 1102, л. 674.

⁵⁰ Таможенные книги Московского государства 17 в., т. 3, стр. 101, 176, 196, 203, 227, 477, 480.

⁵¹ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 681.

⁵² ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 103, л. 270.

⁵³ Русская историческая библиотека, т. II, стр. 167.

ехавшие в тундру купцы грозили ненцам: «пришла де грамота в Пустозерский острог, берут де пермяцких детей в солдаты, а и вы де пойдете в городок и вам де тож будет»⁵⁴. Правительство боролось с проникновением скупщиков в тундру и потому, что купцы ускользали от таможенных сборов, и потому, что ненцы, купив необходимые им вещи на месте, не приезжали в Пустозерск, не платили ясак и как бы выпадали из-под контроля властей. Правительство издало ряд указов, запрещавших торговать с ненцами вне установленных пунктов; за нарушение их у виновников отбиралось имущество, а сами они наказывались кнутом. Но это не остановило проникновения торговцев в тундру.

Наши источники дают возможность составить некоторое представление и об общественном строе ненцев.

На территории европейской части тундры кочевало несколько ненецких родов. Каждый род распадался на ряд семей: в роде Тысыня перечисляются «Хаско и Салуйко Лопины дети, Лись Адейков сын и з детьми своими, Едьюко з детьми, Хачев Ердин з братом и з детьми, Азейко Хенин з детьми своими и с племянники»⁵⁵ и т. д. Несколько семей составляли основу, ядро рода. Для рода Тысыня в начале XVIII в. это — Лисовы, Еивы, Ендомины, Ептисовы. Одна из семей занимала господствующее положение: Лисовы в роде Тысыня, Ядусовы-Ванины в роде Лохей. Они отвечали за сдачу ясака, подавали от имени рода челобитные, во всех ясачных списках их имена стоят первыми.

Но в род, очевидно, входили лица и семьи, не имевшие кровной связи с родом («товарищи»). В документах наряду с «родниками» часто встречаются «товарищи», причем оба эти понятия всегда различаются. Так, при нападении ненцев на Пустозерск в 1662 г. перечисляются предводители, которые напали «с родники своими и с племянники и с товарищи»⁵⁶. В 1704 г. подал челобитную «самоядь роду Тысыня Мильцей Арвин с родники своими и с товарищи»⁵⁷. С. В. Бахрушин полагал, что под «товарищами» подразумеваются дальние родственники: шурья, зятя и т. п., а под «родники» — братья, племянники⁵⁸. Но надо думать, что понятие «родники» объединяет всех кровных родственников, всех членов рода. Обычно в документах при упоминании главы рода выделяются наиболее близкие ему родственники (дети, племянники, братья), все же остальные члены рода, связанные с ним более дальним родством, объединяются словом «родники»: «ясачная самоядь рода Ванюты Яруйко Хубеев з братьями и з детьми и з родники...»⁵⁹. Товарищи же — это скорее всего люди, в кровном отношении чуждые данному роду.

Род иногда распадался на несколько частей, кочующих в разных местах. Так, род Выучей мы находим в ясачных книгах Пустозерска, Ижемской и Устьицлемской слободок; род Тысыня встречается в основном в книгах Пустозерска, но небольшая часть его кочевала на территории, приписанной к Ижемской слободке; каждый род пустозерских ненцев, кроме рода Явтысыня, имел свою часть, постоянно или случайно кочевавшую в районе Ижемской слободки.

Из приведенной ниже таблицы видно, что:

1. В Пустозерском ведомстве постоянно кочевали роды Ванюта, Волей, Выучей, Лохей, Тысыня, Явтысыня, общая численность взрослых мужчин в которых достигала 160 чел. В Ижемском ведомстве постоянно кочевали роды Ванюта, Волей, Хетензеи и не всегда Тысыня; численность мужчин в этой группе достигала 60 чел. В Устьицлемском ведом-

⁵⁴ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 503.

⁵⁵ ЦГАДА, ПДНР, № 1213, л. 262.

⁵⁶ Там же, л. 263.

⁵⁷ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 362.

⁵⁸ С. В. Бахрушин, Самоеды в 17 веке, журн. «Северная Азия», 1925, кн. 5—6, стр. 88—89.

⁵⁹ ЦГАДА, ПДНР, № 1213, л. 264.

стве постоянно кочевали роды Выучей и Хетензеи. Взрослых мужчин здесь было до 25 чел.

2. Во всех трех ведомствах кочевали части одних и тех же родов.

Что представляли собой отдельные части рода, кочевавшие в разных ведомствах, существовала ли между ними постоянная связь? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим роды пустозерских ненцев и их части, находившиеся в Ижемском и Устьцилемском ведомствах.

Таблица численности взрослого мужского населения ненецких родов ⁶⁰

Годы	1683	1693	1703	1704	1705	1706	1707	1708
Названия родов								
1. Ванюта	14	16	9	—	15	12	7	19
2. Волей	2	8	3	2	4	3	9	8
3. Выучей	1	3	8	2	5	7	7	—
4. Лохей	38	48	48	14	48	50	27	58
5. Тысыня	53	70	77	28	62	69	44	56
6. Явтысыня	—	—	17	7	13	14	16	17
7. Ногатысыня	—	—	2	—	—	—	—	—
8. Лонду Ванюта	—	—	—	—	—	1	—	—
9. Хетензеи	—	8	—	—	—	—	—	—
Итого пустозерских ненцев (мужчин)	108	153	164	53	147	156	110	158
1. Ванюта	7	2	16	14	9	9	8	
2. Волей	1	—	11	9	13	12	10	
3. Выучей	5	—	—	—	—	—	3	
4. Лохей	—	4	—	4	—	—	—	
5. Тысыня	—	—	6	9	—	—	4	
6. Хетензеи	22	18	21	24	28	27	28	
Итого ижемских ненцев (мужчин)	35	24	54	60	50	48	53	
1. Выучей	—	14	5	1	—	2	6	
2. Хетензеи	—	4	11	9	11	10	17	
4. Ванюта	—	—	—	—	—	—	1	
Итого устьцилемских ненцев (мужчин)	—	18	16	10	11	12	24	

Пустозерские ненцы во всех источниках отделяют себя от ненцев Ижемской и Устьцилемской слободок. Одни живут в тундре, другие в лесах; отсюда различия в промыслах и в отдельных сторонах быта. Нами не было установлено ни одного случая перехода ненцев из одной части рода в другую. В каждой части рода сложилось постоянное ядро ненцев, которые все время кочевали в этих местах. Так, при просмотре ясачных

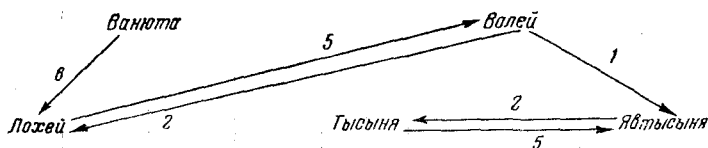
⁶⁰ Таблица составлена по ясачным книгам и поэтому отражает лишь приблизительную численность мужского населения на данный год, так как в ясачные книги входили лишь мужчины определенного возраста. Ненцы часто скрывали подростков «новиков»; кроме того, отдельные представители рода откочевывали в дальние местности и по несколько лет не являлись платить ясак.

списков рода Ванюта Ижемской слободки мы находим имена ненцев, которые на протяжении почти 25 лет кочевали и платили ясак в Ижемской слободке. Ясно, что такие отделившиеся, обособившиеся части родов Ванюта, Волей, Тысыня и других как бы положили начало новым родам. Скорее всего именно таким образом из рода Тысыни выделились новые роды Явтысыня и Ногатысыня.

Посмотрим теперь, сохранилась ли связь между частями одного рода, кочевавшими в одинаковых по природным и хозяйственным условиям ве- домствах, например, в районах Ижемской и Устьцилемской слободок. Наиболее крупным родом этих слободок был род Хетензеи, одна часть которого (25 мужчин во главе с фамилией Адейковых) платила ясак в Ижемской, а другая (10 мужчин во главе с Арвином Пилей) в Устьцилемской слободке. Состав обеих частей все время менялся. Более устойчив он был среди Хетензеи Ижемской слободки, менее устойчив — среди устьцилемской части этого рода. При анализе ясачных списков обеих частей рода выясняется, что между ними существовала непрерывная связь: каждая часть не представляла собой чего-то замкнутого. Некоторые ненцы рода Хетензеи платили ясак то в Ижемской, то в Устьцилемской слободке, около 13 ненцев за 6 лет несколько раз переходили из одной части рода в другую.

Частым явлением был переход и из одного рода в другой в тех случаях, когда их связывала общность территорий кочевий. При рассмотрении списков ненцев Ижемской и Устьцилемской слободок видно, что семья Хочейкова Леви платила ясак: в 1702 г. в роде Выучей Устьцилемской слободки, в 1703 г. — в роде Хетензеи Устьцилемской слободки, в 1704—1707 гг. — в роде Хетензеи Ижемской слободки. Таких примеров можно бы было привести много.

Случаи перехода из одного рода в другой отмечались и среди пустозерских ненцев, что может быть проиллюстрировано следующей схемой, где цифры на стрелках показывают число случаев перехода за 1703—1706 гг.

Эта схема позволяет сделать некоторые наблюдения. Во-первых, взаимный переход имеет место между родами Ванюта, Волей и Лохей и родами Тысыня и Явтысыня, причем в последнем случае в основном преобладает переход из первого рода во второй; возможно, что здесь перед нами процесс отпочкования нового рода.

Во-вторых, мы не наблюдаем случаев перехода в род Ванюта, в то время как из него несколько человек переходят в род Лохей. Это, очевидно, не случайно. Основная масса рода Ванюта кочевала за Уралом⁶¹, где он насчитывал свыше 200 чел. мужчин. Там же находились некоторые родственные ему роды: Луца Ванюта (27 взрослых мужчин), Соль Ванюта (31 мужчина). Это был очень сильный и богатый род, который, как и другие роды обдорских ненцев, платил ясак не с человека, а с имущества. Верхушка рода платила по 10 песцов, основная масса по 4—2 песца, но были и такие, которые платили по одному песцу или по 2 недопеска. Очевидно, от этого большого рода отделялись части, которые переходили в европейскую часть России. Пустозерские ненцы, повидимому, не переходили в эти осколки рода Ванюта, так как зауральские нен-

⁶¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1095.

цы отличались от пустозерских рядом особенностей⁶² и так как эти вновь образованные части, потерявшие связь со своим родом, были непрочны и сами стремились влиться в роды, издавна кочевавшие по Большеземельской тундре (особенно в род Лохей). Если даже и происходил численный рост пустозерской части рода Ванюта, то скорее всего за счет новых выходцев из Зауралья.

Подытоживая сказанное, мы можем отметить, что, во-первых, несмотря на общность происхождения, перехода тундровых пустозерских ненцев в лесные ижемские и устьцилемские роды и, наоборот, — не было. Эти две группы ненцев были обособлены друг от друга, связи между частями одних и тех же родов ослабели или совсем исчезли. Во-вторых, роды европейских ненцев в начале XVIII в., очевидно, не представляли собой замкнутого целого. Переход из одного рода в другой, если оба рода находились в одинаковых природных и хозяйственных условиях, был довольно частым явлением. Очевидно, родовые связи уступали место территориальным.

Можно возразить, что эти переходы были не чем иным, как отработкой невест в соседнем роде или же временной кочевкой ненца в роде тестя. Но жительство ненца в роде тестя еще не было основанием для включения его в этот род. Так, например, ненец из рода Ванюта Тарусий Пилтеев с братом кочевал с родом своей жены, но в официальном документе его относят к роду Ванюта, а не к роду тестя⁶³.

Если же предположим, что причиной перехода была отработка невест, то, руководствуясь сообщениями Лепехина⁶⁴, следовало бы ожидать, что чаще всего переход происходил между родами Тысыня и Ванюта, а это не соответствует данным анализа ясачных списков. Остается предположить одно: в начале XVIII в. появляются первые признаки, знаменующие начало разложения родового строя и перехода к территориальным связям*.

Действительно, в исследуемый период растет имущественная дифференциация ненцев. В документах упоминаются «лутчие», «нарочитые» ненцы, рядом с «нужными», «безоленными», «малооленными». Орудия производства, олени, продукты промысла принадлежат не всему роду, а семьям. Даже братья имеют отдельную собственность. В следственном деле о нападении ненцев на сибирскую казну в 1641 г. говорится: «Седа сказал: осталось де у брата его у Нерны 3 олени, да его Сединых 10 оленей»⁶⁵. Известно, что при ограблении этой казны меха пошли не всему роду, а лишь тем, кто принимал участие в нападении, причем дележ добычи шел не по старшинству, а по имущественной значимости участников нападения: «хто ково сильнее, тот взял государевы погромные

⁶² Пустозерские ненцы имели более тесную связь с русскими, больше были втянуты в торговлю; они отличались от своих зауральских соплеменников и некоторыми культурными особенностями. Так, после грабежа ненцами сибирской казны в 1641 г. стрельцы писали, что нападала на них «пустозерская самоея, потому что они ту пустозерскую самоею по их стрелам знают, да и по-русски де та пустозерская самоея на них наезжая говорила, а сибирская де самоея по-русски не умеет» (ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 103, л. 270).

⁶³ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 111, л. 379.

⁶⁴ Лепехин указывает 3 рода (племени), которые могут вступать друг с другом в брак. Это — Ванюта, Тыся Илогей (т. е. Тысыня и Лохей) и Карачейский род, кочевавший за Уралом (Указ. соч., ч. IV, стр. 200).

* От редакции. Данные автора о переходе ненцев из рода в род очень интересны. В отдельных случаях, как справедливо полагает автор, мы имеем здесь факты отпочкования новых родов или смешения родов в процессе перехода от родовых объединений к территориальным. Но надо иметь в виду и такую возможность, что, поскольку все эти данные архивного происхождения, здесь могла иметь место и простая небрежность — ошибки со стороны подьячих и других составителей списков ясачных людей, а также случаи, когда воспитанник сперва официально именовался по роду приемного отца, а затем по своему фактическому происхождению, или когда человек, рожденный вне брака, официально именовался то по роду матери, то по роду своего фактического отца, и т. д.

⁶⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 111, л. 386.

казны больши»⁶⁶. Вот почему сын Сябарина (имел 40 оленей) привез домой 30 соболей, а Недалей Силин (10 оленей) — только 4 соболя да 3 лисицы бурых. Еря Сойдин, совсем не имевший оленей, получил лишь двух бобров; Хыя Пырнин «мяхкой рухляди не получил, для того, что он человек худой», ему достался топор⁶⁷. Царская администрация в своих действиях также учитывала в первую очередь имущественное положение того или другого ненца. Так, «нарочитые» при крещении получали 3 рубля денег и льготы на 3 года, в то время как «нужные», «безоленные» — только 2 рубля и льготы на 2 года⁶⁸. Имущественная дифференциация среди ненцев быстро росла. Как уже говорилось выше, в середине XVII в. владелец стада в 40 голов считался «сильным», а во второй половине XVIII в. стада оленей достигают 2000 голов.

Процесс имущественного расслоения среди ненцев ускорился непрерывным ростом торговых сношений, что усиливало стремление верхушки ненцев к обогащению. В то же время скупщики, проникая в тундру, спаивали и обирали основную массу ненцев. «И от того винного и табачного привозу самоедцы обнищали», сообщалось в одной из воеводских отписок 1708 г.⁶⁹

В результате всего этого ряд обедневших ненцев попадает в зависимость от своих богатых сородичей. Степень такой зависимости была различной. В источниках середины XVIII в. упоминаются ненцы, которые брали в долг по 2—10 оленей, а за это платили «тем хозяевам из своей добычи половину, а другою довольствуются сами»⁷⁰. Но чаще зависимость была более полной. Ненцы работали на хозяйских оленях, хозяйскими орудиями производства, все продукты промысла они должны были отдавать хозяину, за что тот кормил их и платил за них ясак в казну. В начале XVIII в. пустозерский воевода объяснял низкое качество песцовых шкур, полученных в ясак, именно закабалением большей части ненцев своими сородичами. Он писал: «Многие самоедцы нужные, малооленные, а иные и безоленные живут в работе у таких самоедов, у которых оленей за своей нуждой есть. И за таких нужных малооленных и безоленных самоедцев платят ясак полушерстными песцами самоедцы, у которых они в работе живут. А рослыми песцами за них не дают, а самим им взять негде, что промышляют на них и кормятца около них»⁷¹. Такие ненцы находились в полной зависимости от своего хозяина. В 1707 г. бурмистр Ижемской слободки силой забрал у одного из ненцев «девку самоедцу, наемную работницу», но хозяин выкупил ее своими оленьими⁷². Очевидно, что на эту «наемную работницу» хозяин смотрел как на свою собственность, иначе вряд ли он стал бы отдавать за нее оленей.

Наряду с закабалением ненцев богатыми сородичами шел процесс закабаления обедневшей части кочевников русским посадским и торговым населением. «Берем мы, самоедцы, у них пустозерцев посадских людей, в долги хлебные запасы и всякие товары, без чего нам пробыть немочно. А дают нам дорогими ценами, и оттого мы, самоедцы, задолжали им многие долги», — жаловались пустозерские ненцы в начале XVIII в.⁷³. В другом документе, также относящемся к началу XVIII в., читаем: «Многие самоедцы скудны, бедны, малооленные и безоленные платили ясак, занимая песцы у пустозерцев и у приезжих людей, для того, что промыслы были малые. А у ково и было малое число, и то проедено, а отдавать де им те заемные песцы впредь будущую зиму вдвое — по

⁶⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 111, л. 382.

⁶⁷ Там же, л. 373.

⁶⁸ ЦГАДА, ПДНР, № 1128, лл. 99—100.

⁶⁹ ЦГАДА, ПДНР, № 202, л. 53.

⁷⁰ Сборник «Исторический архив» т. I, стр. 213.

⁷¹ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 680-об.

⁷² Там же, л. 639-об.

⁷³ ЦГАДА, Приказные дела новых лет, 1706 г., № 93, л. 14.

6 песцов»⁷⁴. О задолженности ненцев посадским и торговым людям говорится уже в документах начала XVII в.⁷⁵

Попав в зависимость, ненцы были вынуждены работать на кредитора: пасти его оленей, отдавать ему добычу своего промысла, совершать по его приказанию перевозки товаров, выполнять разные другие работы.

К середине XVIII в. большая часть пустозерских ненцев уже не имела возможности вести собственное хозяйство. В наказе в Екатерининскую комиссию 1767 г. различаются ненцы, «живущие своими чумами и на своей воле», и ненцы «безоленные», попавшие в полную зависимость⁷⁶. При этом даже и ненцы, «живущие своими чумами», часто имеют большие долги и по существу также являются зависимыми. Очевидно, процент таких «полузависимых» ненцев был велик, так как в наказе 1767 г. указывается, что главными статьями расходов ненцев являются покупка предметов первой необходимости и уплата долгов⁷⁷.

Та или другая степень зависимости оформлялась особыми записями, имевшими юридическую силу. В своем наказе 1767 г. ненцы писали, что они «в накопившихся на них долгах хозяевам дают с платежом на сроки в указной силе письма»⁷⁸. В случае неуплаты долга или невыполнения взятых обязательств кредитор мог засадить должника в тюрьму. Так, бурмистр Ижемской слободки «их самоедцев многих, по челобитию ижемцев, имел в земскую избу в долговых и в иных всяких делах»⁷⁹.

Процесс постепенного закабаления ненцев ярко раскрыт самими ненцами в их наказе 1767 г., где говорится, что из-за плохого промысла и многосемейности многие вынуждены брать товары в долг, «... чая оплатить впредь какими-либо промыслами. А за неимением тех промыслов накапливаем на себя по немалому числу долги, за которые, чтоб и больше не накопить, а паче б малолетних детей з голоду не поморить, пристаем к тем хозяевам в работы для пасьбы хозяйских оленей, для чего и жительство имеем в таких же чумах в тундрах, и протчих и тому подобных местах. А временами промыслом на тех хозяев хозяйскими сетями и на хозяйских же оленях рыбу и зверей. И другие возят ту упрощенную рыбу до Мезени и до волоку Пенежского»⁸⁰. За это хозяева должны были кормить и одевать их, платить за них ясак в казну «и зачитывать им из... долгу на каждый год рубля по 3 и по 4»⁸¹.

Посадские люди, а иной раз и воеводы, нередко прибегали и к внеэкономическому принуждению ненцев: «у них, самоедцев, берут силою жен и детей и держат у себя в работе, а... иных продают русским людям»⁸².

Интересна та борьба, которая развернулась в начале XVIII в. за право суда и сбора ясака с ненцев посадскими людьми. И тем, и другим обычно ведал воевода, но, проживая в данном месте всего лишь 2—3 года и отвечая перед правительством за сбор ясака, он не был заинтересован в закабалении ненцев, за которых их хозяева платили плохими песцами. Поэтому в начале XVIII в. верхушка Пустозерского посада повела борьбу за передачу судебных и фискальных функций пустозерскому богачу Гавриле Ходоварову. Это намного усилило бы их власть над немцами, дало бы в их руки новые способы закабаления кочевников. Ненцы послали в Москву ряд челобитных с просьбой оставить их в ведении воеводы, откочевали в глубь тундры и в результате одержали победу. В одной из челобитных они писали: «А естли тот ясашный збор у нас, самоедцов,

⁷⁴ ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 638-об.

⁷⁵ Русская историческая библиотека, т. II, стр. 166.

⁷⁶ Сборник Русского исторического общества, т. 123, стр. 337.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 338.

⁷⁹ ЦГАДА, ПДНР, № 202, стр. 52.

⁸⁰ Сборник Русского исторического общества, т. 123, стр. 338.

⁸¹ Там же.

⁸² ЦГАДА, Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 82.

судом и расправою ему Гаврилу ведать, и он Гаврила по свойству и по дружбе учнет им, посадским людям, дружить и чинить понаровку, а нам обиды, и оттого быть во всеконечном разорении»⁸³.

Итак, XVII — первая половина XVIII в. явились важным этапом в общественном развитии ненцев. Появление огнестрельного оружия, развитие оленеводства, рост торговых связей с русским населением — все это усиливало имущественную дифференциацию в среде ненцев. Обедневшие, лишенные средств производства кочевники попадали в зависимость от своих богатых сородичей и верхушки посадского населения Пустозерска. Родовые связи слабели и подчас уступали место территориальным.

⁸³ ЦГАДА, Приказные дела новых лет, 1706 г. № 156, л. 82.